

ЧИТАТЕЛЬ И БИБЛИОТЕКА

027.5РГБ(049.5)

Стельмах В.Д.

Что думают россияне о библиотеке?

Исследование, являющееся еще одной попыткой социологического анализа наиболее распространенных мнений и представлений о библиотеке и причин, их порождающих.

Нам уже приходилось констатировать отсутствие согласованных научных позиций и строгих теоретических концепций в изучении читательского сознания [1]. Эмпирический опыт в этой области также невелик. Хотелось бы напомнить о работах [2, 3], которые дали не только фактический материал, не потерявший сегодня актуальности, но и способствовали пониманию природы таких субъективных характеристик, как образы, мнения, представления, самооценки. Исследование, о котором пойдет речь в данной статье, принадлежит к этому же научному направлению. Оно является еще одной попыткой социологического анализа стереотипов и образов библиотеки, бытующих в общественном сознании, с одной стороны, и степени удовлетворенности населения реальными библиотечными услугами — с другой.

Решение подобной задачи требует специфических, подчас достаточно сложных методических приемов. Среди них — тест, который

уже использовали зарубежные социологи¹. Респондентам предлагалось дописать фразу: "Библиотека — это ...". Мы применили этот же тест при опросе городского населения 8 областей России (Европейской части и Сибири), который проводил сектор социологии чтения и библиотечного дела Российской государственной библиотеки. В конце 1990 г. состоялся первый этап (1 тыс. опрошенных) и в 1992 г. — второй этап (1600 респондентов). Выборка включала как пользователей библиотек (опрос в библиотеке), так и тех, кто никогда не был записан в библиотеку или по каким-то причинам перестал ее посещать (интервьюирование дома или на работе).

Задание было не из легких: мало кто, исключая профессионалов, размышляет о смысле и предназначении библиотеки. Неудивительно, что процент не ответивших достаточно высок.

Некоторые респонденты (хотя доля их невелика) высказались кратко и выразительно: "Библиотека — это просто библиотека", подчеркнув тем самым нежелание дискутировать по поводу столь ясного и незначимого, по их мнению, предмета.

Невысок и процент тех, кто ограничился демонстрацией своего доброго отношения к библиотеке с помощью неопределенных, но весьма эмоциональных замечаний типа: "Библиотека — это просто здорово", "Библиотека — это все", "Библиотека для меня — вся жизнь" или, не найдя подходящего выражения, назвали ее тем, "без чего нормальный человек не представляет себе жизни", "хлебом, без которого нельзя жить" и т. д. Среди других таких же немногочисленных групп можно выделить тех, для кого библиотека ассоциируется с "местом, где хранятся книги", "зданием, где книги", или "складом".

Но большинство суждений весьма содержательны и открывают широкие возможности для разнообразных интерпретаций.

Обращают на себя внимание некоторые общие черты в приписываемых библиотеке значениях. Во-первых, это "внефункциональность". В высказываниях читателей слабо выражена идея полезности и нужности библиотеки для профессионального роста и продвижения в жизни или, как выразился один из респондентов, идея "библиотеки-мастерской, в которой нужно работать". Эта "внеинструментальность" образов отчасти объясняется их сущностными особенностями — такими, например, как отдаленность от действительности, символичность, обобщенность и др. Кроме того, нельзя не учитывать

¹ Мы имеем в виду венгерских исследователей Ф. Геребена и И. Камараша.

специфичности той системы ценностей, которая сформировалась в послереволюционные десятилетия. Высокопрофессиональный труд, мастерство, талант были выведены из этой системы, поскольку они не гарантировали жизненного успеха и перемещения человека по лестнице социальной иерархии. Карьера определялась далекими от интересов дела обстоятельствами, такими, как идеологическая "чистота", протекционизм, принадлежность к определенным группам и слоям, прежде всего к коммунистической партии и т. п. Конечно, чтение в период учебы или подготовки диссертации являлось необходимым условием выхода на исходную профессиональную позицию. Но за этим стартовым моментом начиналась другая стратегия жизненного пути, где знания и умения становились факультативными слагаемыми успеха.

Во-вторых, бросается в глаза "устарелость" идей библиотеки, их нечувствительность к происходящим сегодня в обществе изменениям. С одной стороны, это связано с природной ригидностью образов, уходящих подчас корнями в глубокое прошлое, в античность. С другой — это следствие консерватизма, нединамичности библиотечной системы, которая существует пока в прежнем виде и действует в соответствии с давно сложившимся профессиональным канонам.

В-третьих, образы библиотеки почти полностью оторваны от реальной деятельности реальных библиотек. Они содержат минимум информации о подлинном состоянии библиотечного обслуживания. В их структуре доминирует ценностный блок, свидетельствующий о символическом статусе библиотеки и чтения.

Прежде всего нам хотелось бы остановиться на широко распространенном образе библиотеки — Храма, прочно запечатленном в читательском сознании: "Храм Знания", "Храм Науки", "Храм Духовности", "Храм Культуры", "Храм Мысли" и т. д. Соответственно библиотекарь — это "священнослужитель", человек, "всегда желающий помочь", "способный понять другого", "могущий подсказать, что лучше", "помогающий формировать взгляд на жизнь".

То, что перед нами характерные примеры клишированности массового сознания, не вызывает сомнения. Проблема состоит в том, чтобы понять, почему именно эти, а не какие-либо иные стереотипы предьявляются в первую очередь.

Конечно, религиозная фразеология и возвышенный стиль высказываний отчасти объясняются самой природой образов. (Спустя века образы воспроизводят традиционные ценности человеческого сообще-

ства.) Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и русскую литературную традицию. Начиная с пушкинских времен наше общество было литературоцентричным. Книге, а следовательно, и библиотеке всегда отводилось в шкале ценностей самое высокое место, а писатель возводился в ранг пророка, мессии. Не случайно именно писатели и поэты — Достоевский, Толстой, позднее Блок — становились в России духовными лидерами нации.

В послереволюционной России миссия литературы еще более возросла. В стране, где отсутствовала система объективной информации, а научные структуры были крайне обеднены, престиж литературы стал недостижим: она взяла на себя роль почти единственной носительницы вечных истин и нравственных заповедей.

М. Чудакова писала, что много лет отечественная экономическая, социологическая, философская, историческая мысль не могла пробиться в печать, поэтому функцию философствования, анализа хозяйственного положения, исторических ситуаций брала на себя литература. Она заменяла все — от науки до товаров. Это приобретало явно патологический характер — все возможные события сосредоточились в области искусства, поскольку в других областях событийности почти не было. Возможно, предполагает исследовательница, нормальное развитие различных информационных и социальных систем, свободных от цензуры и государственного диктата, сдвинет литературу к периферии и наше общество впервые за два столетия перестанет быть литературоцентричным [4].

Если продолжить линию размышлений о "храмовой" идее библиотеки, необходимо поставить вопрос о том, что же такое храм с социологической точки зрения. Среди возможных определений наиболее существенным для нас является рассмотрение храма как места, где сохраняются и демонстрируются ценности. Храм предоставляет каждому возможность соотнести свою жизнь и убеждения с тем, что отбиралось веками и теперь предлагается как жесткий этический канон. В этом смысле храм правомерно сравнить с музеем: в одном экспонируются эстетические стандарты, в другом — духовные приоритеты и нравственные нормы. Храм выведен за рамки обыденности и в этом нефункционален. Между храмом и прихожанином установлена дистанция, жестко поддерживаемая с помощью церковного ритуала и обрядов.

Чтобы понять в этом контексте соотносительность храма и библиотеки в читательском сознании, целесообразно вспомнить о некоторых типологических особенностях советской массовой библиотеки².

В 1920-е гг. при создании библиотечной системы массовая библиотека была задумана как ее центральное звено. В этом качестве она функционировала в течение всех последующих десятилетий (перед распадом СССР насчитывалось 326 тыс. библиотек всех систем и ведомств, из них 110 тыс. массовых). В основу массовой библиотеки положена вполне демократическая на первый взгляд идея: библиотека для народа, для широких слоев трудящихся. Само название "массовая" должно было говорить, что это библиотека — для вас, она создана для вашего просвещения и удовольствия. Естественно, что пользователи вправе предполагать, что ее фонды и услуги будут так или иначе соответствовать их ожиданиям.

В действительности же так называемая народная библиотека с первых шагов существования выражала интересы и ценности вполне определенных групп — носителей официальной идеологии, видевших в библиотеке инструмент воздействия на массы. Библиотечная идеология предусматривала практически полный контроль над читателем, который рассматривался не как полноправный участник взаимодействия, а как массивный объект воспитания и руководства. Она базировалась на нескольких основополагающих постулатах типа: "Библиотеки — опорные пункты партийных организаций" или "Библиотека — политико-воспитательное учреждение, призванное пропагандировать и распространять идеи Коммунистической партии" и т. п. Этот набор догм был закреплен под видом задач и функций библиотек в специальных постановлениях правительства, во всех официальных документах, регламентирующих деятельность библиотек, в принятом в 1984 г. Положении о библиотечном деле в СССР, имевшем статус библиотечного закона. Такого рода стереотипы заполняли не только профессиональную, но и широкую, обращенную к читателям прессу. С этих позиций оценивалась работа библиотек, в этом виделась и главная цель их существования.

² В статье используется термин "массовая библиотека", несмотря на высказываемые сейчас предложения о его замене на термины "публичная библиотека", "народная библиотека" и т. п. Желание избавиться от сильно идеологически нагруженной и тем самым скомпрометированной дефиниции вполне понятно. Но, во-первых, замена слова еще не решает проблемы. Во-вторых, речь в статье идет о том типе библиотек, который сформировался за годы советской власти и пока существует без принципиальных изменений.

Была ли успешной такая мощная обработка общественного сознания? Ответом может отчасти служить тот факт, что только несколько человек из опрошенных выразили нечто, отдаленно напоминающее официальную точку зрения: "Библиотека — это хранилище политических книг", "Библиотека — это Дом Советов", "Библиотека — это центр пропаганды литературы, а не место выдачи книг". Единицы продолжали твердить о библиотекаре, как об "идеологическом работнике", "пропагандисте решений партии и правительства".

Одну из самых больших групп (27%) составили те, кто хотел бы видеть в библиотеке нечто прямо противоположное — гаранта интеллектуальной свободы. Они мечтают о библиотеке, в которой можно получить "все документы", "все материалы", "любые книги" без цензурных или каких-либо других ограничений. Идеальная библиотека представляется как "учреждение, доступное каждому", "где доступны все книги", "место, где можно прочитать все, что тебе захотелось и когда захотелось", "где свободный доступ к любой литературе", "это возможность выбрать книгу по желанию", "прочитать любую книгу", "собрание книг для доступного пользования всем гражданам города" и даже "библиотека — это что-то вроде кинотеатра, только фильм можно смотреть какой захочется". Идея доступности — ключевая для данной категории респондентов — имеет здесь двоякий смысл: это отстаивание права на собственный выбор и требование элементарного удобства пользования фондом ("чтобы читатели сами подходили к стеллажам и брали сами какие надо книги"). И хотя опрос проводился спустя 7 лет после начала в стране демократических изменений, респонденты продолжают с горечью твердить: "Но таких библиотек нет!"

Итак, несмотря на внешнюю демократичность официальных библиотечных постулатов ("общедоступность", "бесплатность", "универсальность" и т. п.), массовая библиотека интуитивно осознается читателями как чужая, не ими созданная и не им предназначенная.

Об этом же говорят и объективные факты, свидетельствующие о давно начавшемся кризисе массовой библиотеки. Он порожден изначально запрограммированным разрывом спроса и предложения, запросов аудитории и комплектования фонда. Л. Гудков и Б. Дубин, давшие социологическую интерпретацию понятия "дефицит" — центрального для советской книжной и библиотечной системы — показали, что постоянная нехватка литературы вызывалась не случайными временными обстоятельствами, не недостатком ресурсов, как это часто

пытались представить. Дефицит воспроизводился системой государственного монополизма в книгоиздании и книгораспространении — системой, которая угнетала и деформировала культурный процесс.

Закономерно, что ходовая книга стала своего рода "твердой валютой" и поступала в основном на черный рынок или в систему закрытого распределения для привилегированных групп советского общества. В библиотеки попадало не более 10% всех издаваемых в стране книг, причем значительную часть их составляла малоспрашиваемая, не вызывавшая читательского интереса пропагандистская или узкопрофильная литература. От 30 до 50% книг, находившихся на полках открытого доступа, либо не брались читателями ни одного раза, либо были взяты один раз за несколько лет. По подсчетам экспертов число таких "мертвых", стоящих на полках книг достигало в целом по стране 2,5—3 млрд экз. — величина, равная всей книжной продукции страны за год [5]. Одновременно доля неудовлетворяемого читательского спроса составляла в массовых библиотеках от 40 до 90% (в зависимости от темы, жанра или автора).

В итоге библиотеку покинули наиболее активные и образованные читатели. В годы, предшествовавшие исследованию, счет потерям шел уже на миллионы — в 1990 г. число абонентов библиотек уменьшилось на 10 млн по сравнению с 1988 г. Это стало ярким выражением краха официальной библиотечной стратегии.

Но ощущаемая читателями дистанция между ними и библиотекой связана не только с идеологией бывшей советской системы, но и с профессиональным библиотечным этосом. Библиотекари — еще одна группа, воплотившая в библиотеке собственные модели и ценности, организовавшая ее работу исходя из своих групповых норм и представлений. В результате классификация фондов, система их экспонирования, каталоги и картотеки массовой библиотеки мало понятны читателю. Они доступны лишь узкому кругу посвященных — достаточно образованных и приобщенных к библиотечному знанию людей. Остальные нуждаются в специальном обучении и руководстве. Отсюда постоянная потребность в организации уроков и курсов библиотечно-библиографической грамотности, консультаций и т. п., цель которых — научить читателя пользоваться библиотекой или хотя бы ориентироваться в этом чуждом ему библиотечном мире. Библиотекари сами устанавливают и диктуют читателю правила пользования библиотекой и поведения в ней. Многочисленные запреты и ограничения поддерживают строгую дистанцию между ними. Поэтому сегодняшняя

библиотека напоминает не родной дом, как пишут респонденты, а скорее элитарный клуб хранителей письменной культуры.

Подобно храмам библиотеки взяли на себя миссию хранения и демонстрации тех ценностей, которые отбирались веками и приобрели статус классических образцов. Эта литература представляет определенный стандарт совершенства, принятому в обществе литературную и эстетическую норму. Полки с произведениями великих — обязательное ядро библиотечного фонда, основной капитал каждой библиотеки. Это своего рода высокопочитаемый "библиотечный иконостас". Но ритуально поклонившись, читатели проходят мимо него к далеко не столь совершенным, но более жизненно необходимым и интересным книгам. Отвечая на вопрос: "Удовлетворяет ли Вас состав книг в библиотеке?", 60% респондентов уверенно заявили, что интересующей их литературы недостаточно или совсем нет. Причем речь шла не о классической, узко специальной или малотиражной литературе, а о самых популярных и массовых жанрах. В перечне книг, которых остро недостает пользователям библиотек, лидируют детективы (35,6% опрошенных), литература по "хобби" (33,4%), приключенческая литература (26,9%), фантастика (25,7%), популярные произведения последних лет (25,6%), исторические романы (23,7%).

Далее идут книги по специальности (18,5% опрошенных), зарубежная классика (14,7%), детская литература (14,4%), публицистика (14,4%), религиозная литература (12,5%), издания новых некоммунистических партий и общественных движений (10,8%), справочники, словари (10,8%).

Картина необеспеченных читательских приоритетов остается практически неизменной в течение последних десятилетий. Раньше в ситуации партийно-государственного монополизма в книжном деле ее объясняли всеобщим книжным дефицитом, особенно сильно проявлявшимся в областях наибольшей концентрации массового спроса. Сейчас в связи с изменением всей структуры книгоиздания и книгораспространения рынок практически насыщен ходовой литературой. Но если библиотечная идеология не изменится, а комплектование будет по-прежнему ориентировано не на читательский спрос, а на заданные политические, эстетические или педагогические каноны, библиотека так и останется беспомощной перед потоком читательских требований.

Читатели остро ощущают несоответствие между тем, что есть, и тем, что необходимо. Только 9% респондентов ответили отрицательно на вопрос: "Есть ли в библиотеке книги, которые никого не могут

заинтересовать?”, 19,3% знают, что такие книги есть, а 54,5% уверены, что их много.

Среди других весьма разнообразных читательских моделей идеальной библиотеки хотелось бы выделить несколько наиболее часто встречающихся.

Так, для одних респондентов библиотека ассоциируется с “дискуссионным клубом”, с “клубом, где встречаются друзья”, с местом для выражения “разносторонних взглядов”, “для дискуссий по разным темам, не только о книгах”, где можно “поговорить не только о прочитанном, но и обо всем”, “пообщаться с единомышленниками”, “найти собеседника”, “поспорить и обменяться мнениями”. Жажда широкого интеллектуального общения, так называемые разговоры по душам, открытость — наша национальная черта. К тому же социальный климат советского государства, где выкорчевывалось инакомыслие и осуществлялся всеобщий контроль за поступками, словами и даже мыслями, обострили стремление к свободному выражению взглядов. В остро дискуссионной обстановке сегодняшнего времени библиотека становится еще одной формой подключения к активной общественной жизни. Ей выдается крупный кредит доверия.

Другие респонденты видят в библиотеке место отдыха, развлечения, “где можно приятно провести время в уютной обстановке”, “где тихо и уютно”. Они пишут, что “библиотека — это уютные читальные залы”, “большой, удобный для семьи дом, когда есть все — игра, кино, прекрасные произведения живописи, графики, скульптуры, музыки и соответствующей литературы”, “где снимается нагрузка после рабочего дня” и т. п.

Некоторые высказывания свидетельствуют о большой усталости людей и обостренной потребности укрыться хотя бы на время от сложностей жизни. Для этих респондентов библиотека — это прежде всего “пещера”, “убежище”, “экологическая ниша”, защищающая и охраняющая от окружающего мира. Они называют библиотеку “оазисом”, “больницей для души”, “аптекой для души”, “местом, где всегда светло и тихо”, “радостью и светом в нашей серой жизни”, “отдушиной”, “учреждением, успокаивающим нервы”, “центром спокойствия”, “отдыхом для души” и т. п. Им хотелось бы видеть в библиотеке человека “отзывчивого, внимательного”, “гостеприимного”, “ненавязчивого”.

Часть опрошенных выражает в своих представлениях о библиотеке тоску по нормальным условиям жизни и быта. Для тех, кто живет

сегодня за чертой бедности, в тесных и плохо оборудованных жилищах, для беженцев, вообще не имеющих крыши над головой, библиотека — это "совершенное здание с уютным интерьером", "книжный, уютный дом, где можно почитать, отдохнуть в уютном кресле", "роскошное здание с кондиционером и буфетом, открытое с 9 до 22 часов", "чистое комфортабельное помещение с туалетом, буфетом, телевизором, раздевалкой и видеосалоном".

Последнюю большую группу составляют те, для кого библиотека — "информационная система, с высоким техническим уровнем оснащения", "информационный центр", "источник для получения, обработки и накопления информации", "чтение любой книги через компьютерную сеть", "компьютерная система" и т. п. Они мечтают о таком библиотекаре, который был бы "лоцманом в мире книг", "ходячей энциклопедией", "оператором", "дирижером всей информации" и даже "видеосправочником" или "библиотекарем-каталогом". В эту группу входят в основном техническая интеллигенция, молодежь и люди среднего возраста. При этом они понимают, что таких библиотек в стране нет или почти нет. Но для них именно информирование — главная задача будущей или идеальной библиотеки.

Тот факт, что эта модель занимает далеко не первое место в наборе читательских суждений, еще раз подтверждает наш тезис о приоритете храмовой, а не утилитарно-функциональной идеи библиотеки в читательском сознании.

Нерасторжимой связи между представлениями о библиотеке и библиотекаре нет. В большинстве случаев образ библиотекаря конструируется из общечеловеческих качеств, обладающих для респондентов высокой ценностью ("интеллигентный", "умный, думающий", "доброжелательный", "культурный", "вежливый", "обаятельный", "всесторонне развитая личность", "девушка молодая, красивая" и даже нечто неопределенное, вроде "артист, сценарист").

Итак, исследование показало рассогласованность и даже противоположность образов библиотеки и читательских оценок реального состояния библиотечного обслуживания. На одном полюсе — ценностная модель библиотеки, свидетельствующая об ее высоком символическом статусе, на другом — негативная оценка возможности библиотеки и отход от нее интеллектуальной элиты. Полученный материал не позволяет надеяться на расширение зоны действия библиотек, если, как уже отмечалось, не изменится библиотечная стратегия. Те группы, которые не пользуются сегодня массовой

библиотекой, не собираются обращаться к ней и в ближайшем будущем, если только их не вынудят к этому материальные обстоятельства. Причем только сравнительно небольшое число респондентов объяснили это такими причинами, как отсутствие интереса к чтению (7%), недостаток времени (22%) или неудобное расположение библиотеки (6,9%). Остальная внебиблиотечная часть населения выдвигает в качестве причины плохое состояние библиотечного фонда ("в библиотеке все равно хороших книг не достать" — 19,7%) или предпочитает обходиться своей, более богатой домашней библиотекой, а также библиотеками друзей и родственников (58%). Более того — самые активные абоненты (люди с высшим и средним специальным образованием и в возрасте от 19 до 39 лет) хотели бы перестать пользоваться библиотекой. Пока они лишь затруднились ответить на вопрос: "Останетесь ли Вы читателем этой библиотеки в будущем?". Но это затруднение связано не с приверженностью к существующей библиотеке, а с отсутствием альтернативы.

Государственная массовая библиотека, безликая и безадресная, по сей день сохраняет монопольное положение в библиотечной системе. Параллельные типы библиотек, ориентированные на определенные слои и группы (этнические, религиозные, политические, культурные и т. п.), только начинают складываться [6]. Являясь по сути и антиподом массовой библиотеки, и одновременно дополнением к ней, они пока еще не в состоянии взять на себя обеспечение запросов различных категорий населения. Более того — их формирование, бурно начинавшееся в конце 1980-х гг., сейчас приостановилось. С точки зрения социологии это — показатель замедления социальной и культурной дифференциации общества. И все же в перспективе, при условии нормального экономического и социального развития страны, возникнет многообразная библиотечная структура, контуры которой вырисовываются уже сейчас. Государственной массовой библиотеке придется искать свое место в этом новом библиотечном сообществе.

Было бы большим преувеличением думать, что неизбежность принципиальных перемен уже осознана библиотечной общественностью. Скорее можно говорить о смутном предчувствии их, порождающем тревогу и беспокойство. Отсюда призывы предотвратить приближающуюся катастрофу, защитить библиотеки и помочь им выжить, ставшие центральной темой в разноголосице библиотечных мнений, суждений, дискуссий. Разумеется, неправомерно считать эту апокалиптичность сегодняшнего профессионального сознания абсо-

лютно беспочвенной. И в широкой прессе, и в правительственных кругах, и на уровне местных органов управления поднимается вопрос: стоит ли вообще сохранять библиотеки, являющиеся наследием старого режима и выражающие его идеологию? Невежеством разрушения эта необольшевистская по сути эйфория может окончательно добить библиотеки и без того поставленные на грань интеллектуальной гибели.

Конечно, наиболее сложная ситуация складывается в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах — конденсаторах социальных напряжений. Катастрофическое восприятие положения дел порождается и передается главным образом верхушкой библиотечного сообщества — управленцами, руководителями библиотек, методистами, преподавателями и т. п.

Но очевидно одно — в условиях неразработанности новой культурной стратегии судьба библиотек оказывается полностью зависимой от весьма субъективных и изменчивых слагаемых: стечения обстоятельств, разумности и интеллигентности местного начальства, авторитетности руководителей культуры и т. п.

Наивно было бы искать у читателей ответа на ключевой вопрос: на какие культурные группы или на какие типы потребностей должна быть ориентирована государственная публичная библиотека? Несмотря на нехватку книг и большой процент неудовлетворенного спроса, большинство респондентов (69%) ответили на вопрос "Как Вы оцениваете работу библиотеки?" следующим образом: "Библиотека работает хорошо" или "Библиотека работает нормально". Встречается и такое: "Меня устраивает такая библиотека, какая она есть сейчас", "Дай бог, чтобы она осталась хотя бы в том состоянии, в каком есть. Ведь худший, а не лучший вариант вполне возможен" или "Библиотека должна быть такой, какой она была в наше советское время".

Характерно, что процент похваливших работу библиотеки достаточно высок во всех группах — от читателей с начальным образованием (78%) до специалистов с высшим образованием (64%). Однако эта демонстрация удовлетворенности — своего рода ритуальное поведение, акт вежливости по отношению к "своей" привычной библиотеке и даже желание защитить ее от приехавших "из центра" людей.

По сути же рассогласованность образов библиотеки с библиотечной практикой превысила допустимую меру. Конечно, они не могут совпадать, идеальные модели всегда остаются лишь вектором устремлений и ожиданий. Но в нашем случае они являются антиподом

”живой” библиотеки, что способствует отбрасыванию ее на периферию общественной жизни. Наш терпеливый и доброжелательный читатель продолжает мечтать о библиотеке, где ”тебя всегда ждут и тебе всегда рады”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стельмах В.Д. Библиотека в оценках и представлениях современного читателя // Сов. библиотековедение. — 1987. — № 2. — С. 12—20; Stelmakh V. Library as seen by the reader. — Modern Research in Development of Libraries and their Users. — Martin, 1987. — P. 7—23.
2. Дубин Б.В. Представления интеллигенции села о настоящем и будущем чтения сельской молодежи // Книга и чтение в жизни советского села: проблемы и тенденции. — М.: Книга, 1978. — С. 139—150; Шляпентох В.Э. Представления о будущем чтения и их влияние на читательское поведение // Там же. — С. 122—138.
3. Афанасьев М.Д. За книгой // Место чтения в жизни советского рабочего. — М.: Книга, 1987. — 128 с.; Он же. Отношение читателей к библиотеке как предмет исследования // Сов. библиотековедение. — 1981. — № 6. — С. 45—82.
4. Чудакова М. Не заслоняться от реальности // Лит. газ. — 1991. — 9 янв.
5. Гудков Л., Дубин Б. Литературная культура: процесс и рацион // Дружба народов. — 1988. — № 2. — С. 168—189.
6. Рейтблат А. Восстановленное звено: общественные библиотеки сегодня и завтра // Кн. дело в России. — 1992. — № 2. — С. 21.